

Д. Б. ПАВЛОВ

**Большевицкая диктатура
против социалистов и анархистов.
1917 — середина 1950-х годов**

<Фрагменты>

ГЛАВА 5

**Социалисты и анархисты в условиях «мирного
социалистического строительства»**

<...> В 1920–1921 гг. пришел черед и анархистов, до этого арестовывавшихся от случая к случаю — в основном репрессиям подвергалась группа так называемых «анархистов подполья», которой, вместе с боевиками-максималистами и левыми эсерами, приписывалась организация ряда экспроприации и взрыв здания МК РКП в Леонтьевском переулке¹ в Москве в сентябре 1919 г.* Интересны и весьма характерны условия, на которых власти соглашались «терпеть» анархистские организации (они были изложены в циркуляре ВЧК от 1 марта 1921 г.). «Можно допустить работать анархо-универсалистов при выполнении ими ряда обязательств, — указывалось в циркуляре, — ...когда господствует полная уверенность, что 1) стоящие во главе лица известны по своему прошлому как лояльно настроенные к совласти и далекие от подполья, 2) вся деятельность их ограничится чтением таких авторов, как Крапоткин и др. и не выйдет из подобного круга при слабой нерабочей аудитории, 3) не будет никаких признаков антисоветской агитации, 4) не будет допущена абсолютно никакая деятельность среди крестьян и рабочих, 5) будет тщательно установлено наблюдение за жизнью федерации, ее

* На местах аресты анархистов проходили и ранее. В информационных сводках ВЧК за 1919 г. можно найти сообщения такого рода: «Арестована группа анархистов, которая в последнее время ничем себя не проявила» (Гаврилов посад Владимирского уезда). — ЦГАМО, ф. 66, оп. 20, д. 19, л. 7 об. — Недельная сводка № 14 Секретного отдела ВЧК за время с 22 по 31 июля 1919 г. включительно. В 1920 г. были произведены аресты среди одесских анархистов — одновременно с «ликвидацией» махновщины.

связью с другими анархистами и неанархистскими группами, а также (последнее путем внешнего наблюдения) за всеми приезжающими анархистами»*.

Сигналом к началу массовых репрессий против анархистов всех направлений послужило секретное циркулярное письмо ЦК РКП губкомам, утвержденное Политбюро 16 апреля 1921 г. Совершенно умалчивая о революционных заслугах своих недавних союзников, ЦК обвинял анархистов в поддержке лозунгов Кронштадта², «разжигании недовольства» в рабочей и крестьянской среде, стремлении идейно «разложить» армию и сетовал на чересчур «терпимое» отношение к ним Советской власти. «РКП, проводящая диктатуру пролетариата, — подчеркивалось в письме, — ни в коем случае не может делать исключения для тех групп, которые под флагом анархизма прикрывают самые контрреволюционные тенденции движения. Поэтому ЦК РКП одобряет линию органов Советской власти, которые в ответ на контрреволюционную деятельность анархистских групп вынуждены прибегнуть к значительному ограничению свободы деятельности этих групп»**.

«Органы» Советской власти с энтузиазмом откликнулись на призыв партии. Весной — летом 1921 г. прошли массовые аресты анархистов различных направлений: «Свободной ассоциации анархистов» (группа членов во главе с Львом Чёрным (П. Турчаниновым) в сентябре 1921 г. расстреляна за участие в экспроприации³), анархистов-коммунистов (карелинцев). Разгром, произведенный в марте 1921 г., прекратил существование «Российской конфедерации анархистов-синдикалистов» и Московского рабочего союза анархистов. В августе 1921 г. властями была начата серия запретов органа анархистов-крапоткинцев журнала «Почин»; в ночь с 1 на 2 ноября в Москве произведены массовые аресты анархистов-универсалистов, разгромлены созданные ими коммуны, после чего работа этой организации стала замирать***. Июльские аресты анархистов совпали со временем работы в Москве 1-го конгресса Профинтерна⁴, делегаты которого

* Сборник циркулярных писем ВЧК-ОГПУ, т. 3, ч. 1, с. 251. — Циркуляр № 13 от 1 марта 1921 г.

** Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 59, д. 29, л. 44–47.

*** Сборник приказов и распоряжений ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, т. 3, ч. 3, с. 72–91. — Циркуляр № 27 от 1 июля 1922 г.

неоднократно обращались к Ленину, Дзержинскому и другим большевистским руководителям с ходатайствами о прекращении арестов. В ответ они получали заверения, что репрессии на «идейных» анархистов, якобы, не распространяются*.

Опыт, накопленный в борьбе с анархистами в 1921 г., лег в основу появившегося в июле 1922 г. нового циркулярного письма ОГПУ. Русский анархизм, названный здесь «идеологией люмпен-пролетариата», «не имеющей ничего общего с борьбой рабочих за социализм», признавался повинным в установлении «беспощадной диктатуры кулачества над пролетариатом и беднейшим крестьянством», в организации «заговорщических шаяк» и установлении блока «на контрреволюционном деле» с государственниками-эсерами. «Предлагая» местным органам ГПУ по-прежнему вести «беспощадную борьбу» с анархистами-«подпольниками», циркуляр вместе с тем констатировал, что одних арестов недостаточно и только «внутреннее осведомление может действительно парализовать работу анархистов»**.

«В тюрьмах северных губерний, в тех тюрьмах, которые называются концентрационными лагерями, так же, как и в тюрьмах других губерний и города Москвы, — писал в ЦК РКП в феврале 1923 г. патриарх русского анархизма А. А. Карелин, — заключены по распоряжению бывшей ЧК и ГПУ десятки анархистов-коммунистов и анархистов. Часть анархистов сослана в дальние города. Так как заключенные в тюрьмах и административно высланные анархисты ни в чем по своим убеждениям и образу действий не отличаются от анархистов Западной Европы, которые не преследуются даже буржуазными правительствами, так как никто из них не думал и не думает о захвате правительственной власти, так как все они сосланы или заключены в тюрьмах административным порядком, то я..., точно зная, что в их рядах на севере свирепствует чахотка, зная о тех страданиях и лишениях, которым они подвергаются, ходатайствую перед ЦК РКП (б) об освобождении всех названных заключенных»***. Просьба Карелина была оставлена без последствий.

* Avrich P. *The Russian Anarchists*. — Princeton, 1967. — P. 232.

** Сборник приказов и распоряжений ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, т. 3, ч. 3, с. 90, 93.

*** РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 546, л. 1–1 об. — Карелин — в ЦК РКП (б). Москва, 26 февраля 1923 г.

Точно также было проигнорировано заявление в ЦК РКП другого старейшего анархиста, Г. Б. Сандомирского, помеченное январем 1923 г. Сандомирский тщетно пытался убедить большевистских лидеров в том, что гонения на его единомышленников в России препятствуют созданию единого анархо-коммунистического фронта на Западе как «одного из могучих средств поддержки социальной революции против наступающего капитала». «Советская власть, ставящая памятники Бакунину и Крапоткину, — писал Сандомирский, — должна, наконец, понять, что заслуги этих величайших бойцов международной революции нельзя почтить тем, что по улице, в честь Крапоткина названной, под конвоем проводят арестованных или высылаемых анархистов, да еще по большей части защитников Октябрьской революции. Враги революции могут только радоваться этому»*. Ответом властей на заявление Сандомирского явились новые массовые аресты анархистов.

Несмотря на полную лояльность режиму и готовность самораспуститься по первому требованию властей, правительственным «утеснениям» подверглись даже чудаки из «Человечества всеизобретателей-внегосударственников» (бывшего «Социотехникума пан-анархистов») — в мае 1923 г. их «ао-типография» была опечатана, а в клубе произведен обыск. Впрочем, тогда ГПУ сочло окончательное закрытие этой экзотической и вполне безобидной организации преждевременным. «Существование этой группировки в Москве с клубом и типографией, как компрометирующей анархистское движение в целом, — желательно», — ответил Уншлихт на запрос ЦК по поводу дальнейшей судьбы «Биаэльби», «Эдифби», «Ибцаби» и прочих «внегосударственников»**. Аресты среди них начались лишь летом 1925 г., причем лидер группы, В. Л. Гордин, был помещен властями в психиатрическую клинику.

Аресты анархистов продолжались и впоследствии (например, в Москве в октябре 1924 и мае 1925 гг.***, в апреле 1925 г. в Ярославле). Основные анархистские организации в России оконча-

* Там же, ф. 17, оп. 84, д. 644, л. 1–7. — Сандомирский — в ЦК РКП. 4 января 1923 г.

** Там же, ф. 17, оп. 60, д. 535, л. 278. — Зампред ГПУ Уншлихт — секретарю ЦК РКП тов. Молотову. Сов. секретно. 3 августа 1923 г. № 221847.

*** Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 59, д. 29, л. 223, 224.

тельно распались к середине 1920-х гг., чему способствовали аресты, а также вынужденный отъезд в эмиграцию лидеров — А. Л. Гордина (анархист-универсалист), Е. Ярчука (анархосиндикалист), Г. П. Максимова, В. М. Волина, М. Е. Мрачного и др. Последние крупные аресты среди них были произведены в 1929–1930 гг., когда за решетку были отправлены А. Андреев, В. Бармаш, Н. Рогдаев, И. Хархардин и другие остававшиеся на свободе анархисты разных толков*. Характерно, что этой последней серии арестов предшествовала попытка вернувшихся из эмиграции ренегатов анархизма созвать «всероссийский съезд» для объявления о «самоликвидации» анархистского движения. Однако созывать было уже некого**. <...>

Получила широкое практическое применение и предложенная Лениным высылка социалистов за границу без права возвращения на родину. Еще в 1920–1921 гг. власти без всякого сожаления расставались с теми социалистами и анархистами, которые по тем или иным причинам выезжали за рубеж (летом 1920 г. получили разрешение на отъезд по партийным делам Мартов и Абрамович, в 1921-м уехали меньшевик Д. Ю. Далин, анархисты П. Аршинов (Марин), В. Волин, Шапиро и др.). Ответом Политбюро ЦК РКП на ходатайство левых эсеров отпустить в заграничную поездку Штейнберга явилось решение: «разрешить, обратно не впускать»***. В 1922 г. высылка социалистов и прочих «контрреволюционеров» из числа интеллигенции приобрела массовые масштабы. В конце этого года Россию вынуждены были покинуть несколько сот виднейших представителей отечественной интеллигенции. На этом особенно настаивал Ленин в записке «К вопросу о высылке из России меньшевиков, н.-с-ов, кадетов и т. п.»⁵ <...>

Практика высылки просуществовала недолго. Уже в 1924 г. Политбюро был отвергнут проект комиссии под председательством главы Профинтерна С. А. Лозовского, выступившей с инициативой единовременной принудительной отправки за рубеж всех более или менее видных российских социали-

* Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 480–481.

** См.: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма, 1917–1922 гг.). М., 1974. С. 399.

*** Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 59, д. 14, л. 53. — Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП [весна 1921 г.].

стов и анархистов, находившихся в тюрьмах и концлагерях (всего — 1500 чел.)*. <...> Во второй половине 1923 г. специально созданной при ЦК РКП (б) секретной Экзаменационно-проверочной комиссией была осуществлена «дочистка» всего состава НКВД и НКВТ⁶ и их заграничных учреждений от бывших социалистов и анархистов, независимо от их профессиональных качеств и политических убеждений. Были уволены бывшие меньшевики С. М. Штерин, В. Г. Громан, бундовец А. Д. Гальперини др.** Не было сделано исключения и для анархиста Сандомирского, еще год назад по заданию Коминтерна выполнявшего ответственное поручение по дискредитации российского анархизма в Западной Европе и за это причисленного своими бывшими единомышленниками к «анархо-большевику»***. По инициативе Комиссии, с этого же времени во всех заграничных советских миссиях стали работать сотрудники ГПУ для осуществления «внутреннего наблюдения» за настроениями совслужащих. <...>

Заключение

<...> Для того, чтобы покончить с самими социалистическими партиями и анархистскими организациями, еще в 1917 г. насчитывавшими в совокупности свыше полутора миллионов членов в своих рядах, большевикам потребовалось всего 7–8 лет; расправа же с их многомиллионным электоратом затянулась на десятилетия, но в конечном счете и на этом «фронте» победа была достигнута. Слова «меньшевик», «эсер» и «анархист» стали бранными кличками и даже подозрение в одноименном «уклоне» превратилось в тяжелое политическое обвинение. В массовое сознание были внедрены соответствующие карикатурные образы: эсер — «кадет с бомбой», меньшевик — жалкий интеллигент, анархист — опоясанный пулеметными лентами пьяный матрос.

Большевики всегда придавали огромное значение агитационно-пропагандистской работе, были большими ее мастерами

* Там же, ф. 3, оп. 59, д. 18, л. 58. — Выписка из протокола № 16 заседания Политбюро ЦК от 7 августа 1924 г.

** РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 564, л. 65, 76–77, 135, 237.

*** Анархический вестник. — Берлин, 1923. № 1. С. 61, 69–72.

и с самого начала стремились к монопольному овладению тем, что сейчас называется средствами массовой информации — именно так заявил о себе их режим в области практической, а не декларативной политики. Опираясь на эту монополию, они развернули беспрецедентную по масштабам и продолжительности кампанию травли и дискредитации социалистов и анархистов, разыграли своего рода Мистерию Врага, которая сама по себе может рассматриваться, как репрессия. Постоянно нуждаясь в этом «враге», систематически раздувая и демонизируя его образ, власть сама становилась жертвой созданной ее же руками мистификации. Официальная пропагандистская машина продолжала работать на полную мощь и тогда, когда в результате прямой репрессии социалистические партии уже не могли представлять опасности для режима. Именно тогда были проведены крупнейшие пропагандистские акции — эсеровский и меньшевистский судебные процессы, причем если на первом из них были осуждены руководители еще существовавшей, но уже доживавшей свой век партии, то на втором — члены организации, «созданной» самими властями. Инерция борьбы с социалистами и анархистами оказалась столь велика, что проклятия в их адрес продолжали сыпаться из уст официальных идеологов и по прошествии полувека после исчезновения самих этих партий. Чередовались партийные и государственные руководители, многократно обновлялись структура и состав всех звеньев репрессивного и партийного аппарата, на смену построенному «в основном» социализму приходил социализм, победивший «полностью и окончательно», — неизменным оставалось одно: стремление властей «полностью и окончательно» подавить оппозиционность в любом ее проявлении и всеми возможными способами, вплоть до поголовного физического истребления носителей социалистического инакомыслия. С течением времени менялись лишь методы и непосредственные объекты осуществления этой основной задачи. Поиск идейного «врага», его «разоблачение» и уничтожение явился, таким образом, важнейшей составной частью коммунистической системы.

Историкам еще предстоит выяснить действительный уровень популярности социалистов и анархистов в послеоктябрьской России, степень соответствия их идей и проектов реформ политико-экономическим реалиям того времени, равно как и то,

насколько ошибки, допущенные партийным руководством, повлияли на дальнейшую судьбу этих организаций. Ясно, однако, что основной и решающей причиной «организационного распада» социалистических партий было не их «идейное банкротство», а комплекс репрессивных мер большевистских властей. Все это является ярким доказательством того, что любое общественно-политическое движение, сколь широкой социальной поддержкой оно бы ни пользовалось, может пасть под градом репрессий тоталитарного режима.

